

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине

«Не даром считают високосные года тяжелыми годами. Ужасен настоящий високос для русской литературы!..»

**Сергей Тимофеевич Аксаков
Воспоминание о Михаиле
Николаевиче Загоскине**

Не даром считают високосные года тяжелыми годами. Ужасен настоящий високос для русской литературы!

21 февраля потеряли мы Гоголя, 12 апреля – Жуковского и наконец 23 июня – Загоскина. Нисколько не сравнивая этих писателей в талантах, положительно можно сказать, что Загоскин пользовался гораздо большею народностью, принимая это слово в его известном у нас значении. Почти все, что знает грамоте на Руси – читало и знает Загоскина; к этому числу должно присоединить всех без исключения торговых грамотных крестьян. Восемь изданий «Юрия Милославского» (переведенного на многие европейские языки), три или четыре издания некоторых других романов, повестей и рассказов, разошедшихся по всем отдаленным углам России – ясно и убедительно подтверждают слова мои. В четыре месяца угасли у нас три славы, три знаменитости, три последних писателя, которые продолжали писать, которых талант был всем известен, всеми признан. Такая быстрая утрата славных имен была бы поразительна во всякой литературе, гораздо обильнейшей

и полнейшей, а у нас – это опустошение! Без сомнения, есть много на Руси людей с дарованиями замечательными, но одни как-то не высказались вполне: показали некоторые стороны своего таланта, имели заслуженный успех и – замолчали; другие еще мало написали, не получили настоящего значения, общей известности и общего признания: это еще надежды, часто обманчивые, и высшие ступени поприща русской литературы остаются пусты, мрачны, одеты глубоким трауром.

Предоставляя другим впоследствии написать полную биографию М. Н. Загоскина, с исчислением и оценкою всех его литературных произведений и с указанием почетного места, которое он должен занять в истории русской литературы – я хочу только сказать несколько слов о нем, как о человеке имеющем полное право на участие и благодарность современников.

Много есть на свете добрых людей, но трудно найти человека, в характере которого соединялось бы столько простоты душевной, доброты сердечной и ясной, неистоцимой веселости, происходившей от спокойной, без-

упречной чистоты сокровенных помышлений и от полного преобладания доброты над всеми другими качествами, как это было в покойном М. Н. Загоскине. Живой, откровенный и вспыльчивый от природы, он мог сказать в горячем, приятельском споре что-нибудь оскорбительное другому, но едва вылетало огорчительное слово, как уже раскаяние овладевало Загоскиным, и, чтоб загладить свою вину, он готов был сделать все для этого человека. Эта веселость, не оставлявшая его вовсе до последнего дня жизни, была в высшей степени общительна и увлекательна, как все происходящее искренно из глубины души. Эта добродушная веселость, разлитая во всех его сочинениях, передаваемая языком легким, ясным и живым, в соединении с неподдельною национальностью, произвела без сомнения тот восторг во всех читающих сословиях, с которым был принят первый роман Загоскина («Юрий Милославский»); восторг *общий*, которого не производил ни один русский писатель.

Около тридцати лет жил Загоскин постоянно в Москве, любимый и уважаемый все-

ми: мудрено найти человека, который бы не знал его лично или не слышал о нем. Утро посвящал он деятельности литературной и служебной, а вечера проводил в обществе, которое потеряло в нем человека, одушевлявшего московские беседы и приятельские кружки своим присутствием, своими веселыми и живыми разговорами. Даже в последние два года, будучи постоянно болен, он выезжал сначала почти ежедневно и, увлекаясь живостью и веселостью своего характера, горячо предавался шумному потоку споров о разных современных интересах и вопросах. Будучи по преимуществу русским человеком в складе своего ума и речи, нередко простым и метким словом обличал он запутанность отвлеченного предмета, о котором шел спор, и громким смехом признавали обе спорные стороны верность живописного эпитета. Тяжело, грустно его друзьям и всем близким знакомым привыкать к мысли, что они никогда уже не увидят Загоскина и не услышат его голоса, звучавшего добродушием и жизнью. Грустно должно быть и всем добрым и честным людям, что не стало доброго и честного челове-

ка.

Смело можно сказать, что в продолжение всей своей жизни, служебной и домашней, Загоскин не сделал никому зла и, по доброте своей природы, даже не мог его сделать, но добра сделал он много и многим. Я не говорю уже о том духовном добре, которое произвели и будут производить большая часть его сочинений безукоризненною чистотою своего нравственного направления.

Не потому пишутся эти строки, что будто о покойниках ничего, кроме доброго, говорить не должно, а потому, что должно говорить о них правду.